

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

О.М. Луговой

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЕРМИНА «ВАРАНГ/ВАРЯГ/ВЭРИНГ»

O. M. Lugowy. On *Varang/Varjag/Væring* Etymology.

The author of this article proposes a new hypothesis concerning the origin of the word *Varang*. This term comes from the German *Varig* – wolf, a word for offender and marginal, through *Varegang* - *foreigner* as used by Langobards. By means of Langobard-Byzantine relations, the word appeared in Greek in a distorted form, which it had acquired in Italy, but with the same meaning, where it was accepted by Scandinavian mercenaries to finally come to Kievan Rus and Scandinavia in its known form.

Приблизительно в одно время в византийских и скандинавских источниках начинается употребление термина «варанг-вэринг» в значении наемного воина византийского войска, преимущественно скандинавского происхождения (первая половина XI в.). Нет никаких исторических доказательств его автохтонности в Скандинавии. Наши скандинавские источники – саги – записаны начиная с XII в. Но в сагах, действие которых датируется временем до конца X в. термин «вэринг» не встречается, даже если ситуация соответствует его употреблению. Он появляется с начала XI в. и используется почти исключительно по отношению к элитарному византийскому подразделению, в одном из двух узких значений, приданных ему в Византии. Такое взаимоотношение данных двух удаленных географически друг от друга групп источников наглядно подтверждает аутентичность данных саг.

Традиционно, из скандинавского *væring* производятся славянская форма «варяг» и греческая *βαράγγος*. Но для изготовления славянского эквивалента филологам-норманистам пришлось изобрести гипотетичное древне-шведское *warang* (Куник 1875: 417) и несуществующий славянский суффикс –яг и доказать его существование посредством парного термина колбягъ (напомню, парного в греческих и русских текстах, но не в скандинавских). В то же время норманист А. Куник сам предложил гораздо более логичный вариант древнерусского

производного от *væring* – «ВѢРНИКЪ» (Куник 1875: 412). В любом случае оба эти термина производятся из *βαράγγος* гораздо проще, чем греческая и славянская форма из *væring*.

Таким образом, версии, основанные на гипотетичном древне-шведском *warang*, которое попало в норвежский язык в форме *væringi* только с началом службы норвежцев и исландцев в Византии (Куник 1875: 417) (теперь исследованиями рунических камней доказано, что палатация а–ж в скандинавских языках имела место лишь в VI-VIII в.), являются такими же логическими построениями, как и гипотезы о русском происхождении термина: В. Томсена (название купцов-наемников русских князей) и Е.А. Мельниковой (1998: 159-164) о том, что это слово было изобретено в IX в. скандинавами на Руси, чтобы отличить новоприбывших соотечественников от собственно руси – скандинавов, которые уже закрепились в новых владениях. Кроме Повести Временных лет нет других свидетельств, что в то время понятие «варяг/вэринг» вообще существовало на Руси. Сама же Повесть, как известно, выводит варягов из-за моря и составлена не раньше XI в. Е.А. Мельникова предлагает объяснение неизвестности термина в Скандинавии в раннее время, но забывает о своих же выводах, относительно его привычной привязки именно к Византии, а не Руси и вместе с многими другими исследователями игнорирует существование западноевропейских аналогов этого понятия.

В отличие от викингов, многие из которых отправлялись на свои предприятия каждый год со своей родины, многие наемники-варяги были маргиналами (по крайней мере, исландцы и норвежцы). Большинство героев скандинавских саг, названные вэрингами, были политическими изгнанниками, людьми, лишенными своих владений вследствие борьбы с соседями, изгнанными из родных мест преступниками.

Человек во все времена зависим от определенной группы, социальной, родовой, этнической, профессиональной. Особенно четко это проявляется в условиях родоплеменного строя и ранней государственности, когда появляются первые письменные источники, по которым мы можем проследить социальное устройство того или иного общества. Раннее средневековье представляет яркие примеры этого. «Индивид не мыслил себя отдельно от группы, его личный статус растворялся в статусе группы, к которой он принадлежал» (Гуревич 1970: 103), и, действительно, индивид варварских прав — это, преимущественно, преступник, нарушитель норм поведения, следовательно, коллективом отторгнутый (Гуревич 1970: 117).

Изгнанием каралось нарушение клятвы и мира между родами. Вот фрагмент исландской клятвы *Trygghetsed*, которая, как считает А.Я. Гуревич, появилась в Норвегии: «Но тот из вас, кто нарушит заключенный мир и совершит убийство, несмотря на принесенные обеты, тот пусть будет волком, гонимым и преследуемым везде, где люди охотятся на волков, христиане посещают церковь, язычники приносят жертвы в капищах, горит огонь, земля плодоносит, младенец зовет мать и мать кормит младенца, дети человеческие зажигают огонь, плывут корабли, блестят щиты, сияет солнце, падает снег, лапы бегают на лыжах, растут сосны, сокол летит весь день и ветер у него под обоими крыльями, небо закружается, мир заселен, ветер свистит, вода стремится к морю, люди сеют зерно. Он должен сторониться церквей и христиан, домов бога и людей, любого жилища, кроме ада» (Гуревич 1970: 113-114). Этот текст содержится в *Heidarviga saga*, а аналогичный ему — в исландском своде законов *Gragas* (Стрингольм 1861: 49-50).

Итак, изгнанник — волк, что на древнегерманском языке звучало как *Warg*, по-норвежски и по-исландски — *Varg*. В исландском языке это слово существует до сих пор, в других германских языках было вытеснено более поздним *Ulf*. Дальнейшая эволюция слова привела в разных языках ареала к возникновению новых значений: исл. *gorvargr* — скотокрад, *vargangur* — нищета (также литовское *vargas*), *vargöld* — вре-

мя междоусобиц, *vargur* — неудержимый, властный человек; гот. *launavargs* — неблагодарный, *vargitha* — вражда. В славянских языках закрепилось негативное понятие враг (ворог, *wtug*, *wrah*), всегда связанное также с дьяволом. Общий корень имеют похожие по значению слова в балтийских и угро-финских языках. Интересно, что в отличие от элемента *Wulf*, элемент *Warg* никогда не употреблялся в германских именах и крайне редко в географических названиях (Jensen 1968: 339f).

Попробуем восстановить ареал и историю распространения подобных наименований преступников.

Сидоний Аполлинарий в одном из своих писем называет «Варгами» арвернских разбойников в Галлии: «*Vargorum nomine indigenas latrunculos nuncupare*» (Sidonius Apollinaris 1836: 112-115). Более конкретное объяснение термина находим в Салической и Рипуарской правдах, которые называют так именно изгнанников из общины.

«Если кто тело, уже погребенное, выкопал либо ограбил, является Варгом, то есть изгнанным из той общины, вплоть до примирения с родителями покойного» — «*Si quis corpus jam sepultum effoderit, aut expoliaverit, Wargus sit, hoc est expulsus de eodem page. usque dum cum parentibus de functi convenerit*» (Lex Salica. LVII, 5; в др. списках LV, 2; LVI). Термин, интересующий нас, записан в различной форме в различных редакциях памятника: *uirgo* (LVI статья в рукописях Вольфенбютлер. Вайсенбург 97, Тура), *uargus* (LV статья Мюнхенской редакции (clm. 4115), текстов Фульды и Аугсбурга, кодекс X века Академической библиотеки Лейдена Vossianus Lat. oct. 86). Глосса Туанской книги (Codex Thuani) указывает «подлый» — «*dejectus*», а глоссарий манускрипта Pithoeus добавляет «изгнанный» — «*expulsus*» (Lex Salica 1850: 31, 102).

Согласно Рипуарской правде (LXXXV), такое преступление карается штрафом в 100 или 200 солидов (в зависимости от наличия факта ограбления), а также смертной казнью, про которую разглашается повсеместно: в противном случае преступник становится варгом (*wargus sit*) пока не удовлетворит родителей покойного. Из всех рукописей этого памятника права лишь Codex Lugdunensis Vossianus 119 IX века дает ошибочное написание *Warduus*.

Законы Генриха I, короля Англии (XII в.) также отмечают: «И если чье-либо тело в земле, или же в поффо, или же в камне, замыслил ограбить, становится Варгом» — «*Et si quis corpus in terra, vel noffo, vel petra, expoliare praesumpserit, Wargus habeatur*» (LXXXIII). В хартии Юдона,

тульского епископа, от 1069 г. сказано, что «Иноземца, то есть Варгана, кто убьет в изгнании, дает графу четыре денария» («*Alienigenæ, id est, Warganei, qui manserint in banno, dabunt Comiti 4 denarios, etc.*») (Du Cange 1710: 1377-1378).

Автор Латинского Глоссария Шарль Доминик Дюканж, расследуя происхождение этого слова, ссылается на своих предшественников. Так, Бокзорний выводит Варгов от финикийского *farkin* или еврейского *p(h)erek* – грабеж. Британец Камден обнаружил в глоссарии Ландавской церкви слово *verjad* – название британских разбойников, от чего и считает возможным производить «варгов». Винделин воспроизвел «варгов», добавив букву «г» к латинскому *vagus* – «бродяга». Можно произвести его также из латинского *vagare* – переходить (реку, горы и пр.) (Du Cange 1710: 1377-1378).

И только А. Куник (1875: 400-410) дал наиболее реалистическое объяснение термина – от герм. *Warg* – волк. Добавим, что в скандинавском обычном праве существовала почти полная калька франкской нормы: человек, совершивший святотатство, наказывался изгнанием; для него использовалось определение *vargr* *o* *vêim* – «волк на святыне».

Продолжая параллель, указанную Дюканжем, А. Куник не колеблясь отождествил производный от «варг» термин «варганг» с «вэринг». Более того, он показывает на взаимное происхождение обоих понятий от скандинавского корня *vgr* – верность, порука, обет. Первым связал *vár* и *Væringjar* знаменитый шведский филолог И. Ире («*Glossarium sviogothicum*», 1769: II, 1069-1070), а общепринятым (Cleasby/Vigfusson 1874: 720; Blöndal 1978: IV; Фасмер 1986: 276) это сделали выводы Вильгельма Томсена (Thomsen 1877) о купцах-наемниках, связанных обетом с хозяином. Адольф Стендер-Петерсен предложил последнюю и наиболее логичную этимологию: обет связывал вэрингов не с господином, а друг с другом (Stender-Petersen 1931: 27-30).

Объяснение парадокса двойного происхождения «варганга» у А. Куника не видится логичным: изгнанный франк-варг мог дать *trûsti* – обет (тот же *vár*), который передавал его в личную зависимость от покровителя. За убийство такого *Antrûstio* бралась тройная вира – 600 солидов, согласно Салической правде (Lex Salica, XLI, 3). Таким образом, он становился фактически тем же «варгангом-вэрингом». Объяснением, однако, служит вторичная интерпретация термина, производного от корня «варг» через корень *vár* (нор. *vær*) в германской дружинной среде. С закреплением нового статуса «волк» варг(анг) становился «идушим под обетом» – *war-gang*, чередование *v-w* подтверждает ши-

рокое устное употребление понятия и редкое письменное. Примерам таких преобразований первоначальной этимологии в филологии действительно несть числа.

Эта трансформация в разных странах произошла достаточно рано. В англосаксонских поэмах слово *værgeng(a)* получает позитивное значение к VIII в.: так именуется Гутлак, «верный слуга Божий», в поэме «*Gûðhlâc*», а также «товарищ диких зверей» (*vildra værgeng*) Навуходносор в изгнании из поэмы «*Daniel*» (Куник 1875: 649-650).

В IV капитулярий от сентября 813 г., данный в Аквистране и больше известный как «Закон франков-хамавов» (Lex Francorum Chamavorum), помещена статья IX: «Кто убьет варгенга (*wargengun*), господину (императору – *in dominico*) 600 солидов возмещает». Этот капитулярий, очевидно, выдан жителям земли Хамарланд (Хамуланд), где на Маасе размещена указанная в тексте Амурская область. Варганг тут в это время является уже определенной привычной частью общества, а не маргинализированным изгнанником варварских правд. Его вергельд равен вергельду королевского дружинника. Это может иметь только одно объяснение: варганг становится таковым по примеру старинного антрустиона. Ведь только войско и церковь могли вновь поднять статус человека, который его утратил.

Но еще раньше «вар(а)ганги» становятся известны в Италии, заимствовавшей понятие от германцев-лангобардов. Именно лангобардская Италия оказалась, очевидно, наибольшим приемником мигрантов из европейских стран. Богатый край, который еще сохранял остатки античной роскоши, не имел единой политической организации. Сильного, богатого и щедрого человека окружали рабы, вольноотпущенники, вольные помощники и дружинники, которые за свою службу получали богатые дары. Главное отличие лангобардских королевств и герцогств от остальной Европы состояло в том, что не только фактически, но и юридически было закреплено право как короля либо герцога, так и любого частного лица иметь собственную дружину (*gasindium, obsequium*: Виноградов 1880: 148). Понятно, что это предоставляло варгам больше шансов влиться в это общество, ведь в такие дружины попадали чаще всего безродные пришельцы.

Лангобардский король Ротари (VII в.) предусмотрел в своем своде законов (*Edictus Langobardorum*) целую статью (№367), посвященную варегангам: «Какие бы то ни было вареганг (*sic*), которые из внешних краев в пределы нашего королевства прибыли, то есть под

щит нашей власти поддались, по законам нашим лангобардским должны жить, если только они не получили за верность от короля право жить по каким-нибудь другим законам. Если сына законного имеют, пусть будет их наследником, как и сын лангобарда; если сына законного не имеют, то не смогут передать свою собственность кому бы то ни было каким-либо образом под каким-либо предлогом без королевского разрешения» (MGH Leges IV 1868: 85). Это одна из немногих статей, которые подтверждают действие иноземных законов на территории королевства лангобардов.

Российская исследовательница Е.А. Шервуд (1991: 274) считает это слово синонимом понятий *extraneus* и *advena homo* из того же законодательства. Однако сохранение в официальном латиноязычном документе лангобардского термина предполагает его особый юридический статус. Использование синонимических терминов в этом случае сомнительно. Слово, которое нас интересует, в различных рукописях законодательного сборника имеет различное написание: *warega*, *waregango*, *waregan*, *waregar*, *wargan*, *warigang*. Оно не склоняется, как иноязычное по отношению к латыни. Некоторые его формы достаточно близки позднейшей византийской форме.

Серьезный подход к праву требовал объяснения термина. Таковое помещено в конце Матритенского кодекса (fol. 161-162), это 51 статья *Clossarium Matritense: Euareganc. Id est aduena* («То есть иностранец, пришлый»). MGH Leges IV 1868: 651-652). В самом тексте кодекса используется итализированная форма *guaregnag*. Кодекс записан на 162 страницах в X в., и впервые засвидетельствован в библиотеке юрисконсульта и неаполитанского историка Марина Фреччия (Фрещца) из Равелло в 1530-х гг.

Когда в 851 г. беневентский герцог Радельгиз наделял вотчиной Сигинульфа, то между прочим последний получил власть над «Варегангами благородными, среднего сословия и сельскими жителями, которые находятся как беженцы в этой земле» (*Radelgisi et Siginulfi divisio ducatis Beneventani*, §12).

Возможно, от этого слова происходит даже название министерия Веренгари в Беневентском герцогстве, возглавленного в 866 г. епископом Гизельмундом, согласно третьему пункту конституции императора Людовика II относительно названного герцогства (*Hludowici II Imperatoris constitutio de exercitu Beneventum promovendo* // MGH Leges I 1835: 504-506).

Какие шансы того, что термин, широко использовавшийся в лангобардской среде, попал бы в византийскую систему понятий? Если это

так, то вероятнее всего это должно было произойти в итальянских владениях Византии – Равенском экзархате.

Известно, что политические обстоятельства стимулировали взаимную вражду лангобардов и жителей Византийской Италии и не способствовали расселению тех и других на землях соседей. На территории Равенского экзархата лангобарды почти не селились, тут не известны лангобардские топонимы и германские формы землевладения, лангобардское влияние на диалект Эмилии-Романьи либо отсутствует, либо минимально. Даже районы Озимо и Фано, а также дукат Перуджа, которые неоднократно переходили из рук в руки, не сохранили своего лангобардского населения, которое старалось не попасть под византийский налоговый гнет и сохранить привилегии ариманнов. Более того, лангобарды старались не оседать даже вблизи римской границы (Бородин 2001: 323-327).

Однако, кроме постоянного населения существуют и другие пути проникновения термина «вар(г)анг» на византийскую территорию. Постоянные военные конфликты приводили к захвату греками пленных и, что важнее, к появлению в Экзархате воинов-перебежчиков, некоторые из которых даже занимали важные командные посты в византийской армии, как дукс Дроктульф, свев по происхождению во времена императора Маврикия (*Pauli Diaconi III*, 18-19).

Лангобардский историограф Павел Диакон приводит ряд фактов пребывания в византийских землях лангобардов, которые часто схожи с сюжетами скандинавских саг о вэрингах: в 572 г. после убийства короля Альбоина королева Розамунда со своим любовником Гильмехизом, дочерью Альбизундой и исполнителем преступления Передеем, спасались от мести в Равенне (*Pauli Diaconi II*, 29); в 640 г. туда же выехал Айо, сын беневентского герцога Арихиза (*Pauli Diaconi IV*, 42); около 690 г. – свергнутый фриульский герцог Родоальд (*Pauli Diaconi VI*, 3). Всех их сопровождали слуги, свита, и, наверняка, военная дружина. Нам уже известно, что пришлое население, иноземцев, мигрантов и перебежчиков лангобарды называли варгангами, следовательно, и эти лангобарды-перебежчики также должны были бы называть себя варгангами. Следов этого в источниках нет, Павел Диакон этого термина не упоминает, но такая возможность очевидна.

За 200 лет последующего молчания источников *vargang* в грекоязычной среде потерял срединное «g», и превратился в βαραγγος, причем ударение в греческих текстах, а значит и произношении, одинаково часто падает на первый и второй слог. В этой форме он и послужил

для создания наименования для новообразованного подразделения скандинавов-наемников, до этого известных под именем «Рос». Именно Италия была одним из наиболее часто упоминаемых пространств действий сначала росов (с 930-х годов), затем скандинавских, а впоследствии английских варангов.

Таким образом, в разное время в Европе использовались термины с аналогичными значениями и термины эти очевидно близкородственны. Они известны во франкской Галлии VI в., Италии VII-IX в., Германии и Англии IX-XII вв. Как бы не воспринималась современниками этимология этого понятия, через все эпохи оно достаточно четко находило свои объекты. Отчетливо видна эволюция понятия от преступника-Варга к

иноземцу-наемнику Варгангу, известному в частности в Италии. Именно здесь ромеи достигли критической близости с ареалом использования слова «варганг», а следовательно нельзя исключать априори возможность того, что понятие «вэринг» попало в Скандинавию из Византии посредством самих же варангов.

На самом деле, вопреки нашему сегодняшнему представлению, варвары гораздо больше брали у «великих культур» прошлого, нежели давали. Не является ли утвердившееся представление о пути исследуемого термина «из варяг в греки», а не наоборот, еще одним подтверждением того, как глубоко закрепилось в сознании историков привитые романтическим и варварофильским XIX веком архетипы?

ЛИТЕРАТУРА

- Бородин О. 2001. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб. С. 323-327.
- Виноградов П. 1880. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб.
- Гуревич А. 1970. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.
- Куник А. 1875. Начались ли русские торговые сношения и походы по Черному и Каспийскому морьям во времена Мухаммеда или при Рюрике? // Дорнъ Б. Каспий. СПб. Дополнение III.
- Мельникова Е. 1998. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии // Византийский временник 55 (80). С. 159-164.
- Стрингольм А. 1861. Походы викингов, государственное устройство, нравы и обычаи древних скандинавов / пер. с нем. А. Шемякина. Ч. 2. М.
- Фасмер М. 1986. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. Т. I. М.
- Шервуд Е. 1991. Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). М.
- Blöndal S. 1978. The Varangians of Byzantium: an aspect of Byzantine Military history / transl., revised and rewritten by B. Benediktz. N-Y.
- Cleasby R., Vigfusson G. 1874. An Icelandic-English Dictionary. L.
- Du Cange Du Fresne C.D. 1710. Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis... V. 2. Francofurti ad Moenum. Edictus Langobardorum / ed. F. Bluhme // MGH Leges IV 1868. P. 3-90.
- Hludowici II Imperatoris constitutio de exercitu Beneventum promovendo // MGH Leges I. 1835. P. 504-506.
- Jensen G.F. 1968. Scandinavian personal names in Lincolnshire and Yorkshire. Copenhagen.
- Lex Francorum Chamavorum / ed. R. Sohm // MGH Leges V 1875-1889. P. 269-288.
- Lex Ribuarum / ed. R. Sohm // MGH Leges V. 1875-1889. P. 185-288.
- Lex Salica / her. von J. Merkel. 1850. B.
- Lex Salica Emendata nach dem Codex von Trier-Lejden (Vossianus Lat. oct. 86) / her. von Alfred Holder. 1880. Leipzig.
- Lex Salica mit der Mallobergischen Glosse / herausgegeben von Alfred Holder. 1879. Leipzig.
- Paulus Diakonus. Geschichte der Langobarden. 1987. Essen.
- Sidonius Apollinaris. Oeuvres / trad. J.F. Gregorio et F.Z. Collombet. V. 2. 1836. Lyon-P.
- Stender-Petersen A. 1931. Zur bedeutungsgeschichte des Wortes Væringi // Acta Philologica Scandinavica VI. P. 27-30.
- Thomsen V. 1877. The relations between Ancient Russia and Scandinavia and The origin of the Russian state. L.-Oxford.

Статья поступила в номер 3 марта 2007 г.